

Сбережение домашних хозяйств в зеркале национальных и агрегированных трансфертных счетов

Анжела Г. Назарова¹

¹ НИУ ВШЭ, Москва, 109074, Россия

Получено 5 December 2023 ♦ Принято в печать 1 March 2024 ♦ Опубликовано 1 August 2024

Цитирование: AG Nazarova (2024) Household Savings in the Mirror of National and Aggregate Transfer Accounts. Population and Economics 8(2):36–55. <https://doi.org/10.3897/pepecon.8.e116868>

Аннотация

Статья посвящена анализу изменения склонности населения России к сбережениям в 10-летней ретроспективе (2011-2020 гг.) сквозь призму национальных (СНС) и трансфертных (НТС) счетов. Методологический подход к расчету показателя «Сбережение домашних хозяйств» на валовой и чистой основе показан в соответствии с международным Руководством по построению национальных трансфертных счетов, международной методологией СНС-2008 и официальной статистической методологией Росстата по построению нефинансовых счетов сектора домашних хозяйств в Системе национальных счетов Российской Федерации.

Структурные сдвиги в сберегательной активности домохозяйств исследовались с трех сторон – на фоне сберегательной активности экономики, в контексте изменения объемов трансфертной поддержки частного сектора со стороны государства и в параллели с выводами на базе международных исследований по НТС. По итогам построения баланса сбережений и накоплений сектора «Домашние хозяйства» (по данным СНС) и системы агрегированных трансфертных счетов были получены следующие результаты.

В 2011-2020 гг. население обеспечивало от 1/5 до 1/3 общего объема валового сбережения российской экономики. Сектор «Домашние хозяйства» выступал «чистым кредитором» по отношению к другим институциональным секторам СНС (включая сектор «Остальной мир»), предоставляя им сберегаемые, но не использованные на собственное накопление ресурсы в размере 1,0-6,0% ВВП. Подтвердилось наличие прямой связи между изменениями в уровнях сберегаемого населением дохода и изменениями в счетах результата экономического жизненного цикла и перераспределения общественных ресурсов. Итоги российского исследования показали устойчивость невысокой нормы сбережения у домохозяйств – в среднем около 6,2% от объема располагаемого дохода – на фоне значимой поддержки государства, что согласуется с результатами межстранового анализа НТС для группы развитых экономик.

Ключевые слова

чистое сбережение, агрегированные трансфертные счета, национальные счета, домашние хозяйства, экономический жизненный цикл, трудовой доход, потребительские расходы, текущие трансферты, располагаемый доход

Коды JEL: E16, E21, J11, O11

Введение

Сбережение – один из обобщающих «ресурсных» параметров национальной экономики (и ее институциональных секторов), являющийся категорией системы как национальных (СНС), так и трансфертных (НТС) счетов. Институциональный сектор – это совокупность институциональных единиц (хозяйствующих субъектов), которые могут от своего имени владеть активами, принимать обязательства, осуществлять экономическую деятельность и операции с другими единицами, однородных с точки зрения выполняемых функций и источников финансирования. Выделяются пять секторов национальной экономики: нефинансовые и финансовые корпорации, государственное управление (ГУ), домашние хозяйства (ДХ), некоммерческие организации, обслуживающие домашние хозяйства (НКООДХ). Сектора взаимодействуют между собой и с другими единицами-нерезидентами, объединенными в сектор «Остальной мир» [Росстат, 2023а: 42-43].

В национальном счетоводстве объем сбережения представляет собой ту часть располагаемого дохода хозяйствующего субъекта, которая не использована на конечное потребление и предназначена для приобретения нефинансовых или финансовых активов [Росстат, 2023b: 130]. Располагаемый доход методологически представляет собой сумму доходов, полученных экономикой и секторами от производственной деятельности, а также в результате перераспределения доходов в денежной форме и текущих трансфертов в виде налогов, пособий и других социальных выплат [Росстат, 2023а: 20]. Потребительские расходы, по определению СНС, осуществляют только три сектора внутренней экономики: «Домашние хозяйства» (ДХ), «Некоммерческие организации, обслуживающие домашние хозяйства» (НКООДХ) и сектор «Государственное управление» (ГУ). Корпорации (нефинансовые и финансовые), по методологии СНС, не несут расходов на конечное потребление, поэтому их располагаемые доходы тождественны их сбережениям [Росстат, 2023а: 21]. Исходя из жизненных потребностей домашних хозяйств, их сберегательные мотивы условно делятся на две крупные группы: «страховые» и «целевые». Основные из них:

- накопления на пенсию для поддержки определенного уровня потребления (страховой мотив);
- создание ресурсного запаса на случай непредвиденных ситуаций (на рынке труда) или возможного изменения уровня жизни (страховой мотив);
- создание ресурсного запаса под крупные расходы или затраты, планируемые в будущем (целевой мотив);
- накопление сбережений с целью дальнейшего завещания семье (целевой мотив).

Отправной точкой исследования, результатам которого посвящена статья, стала проверка предположения о существовании взаимосвязи между изменениями в уровнях сберегаемого населением дохода (чистыми сбережениями сектора «Домашние хозяйства») и изменениями в показателях агрегированных счетов результата экономического жизненного цикла и счета перераспределения общественных ресурсов.

В статье представлены результаты анализа изменений в сберегательной активности домохозяйств в России (2011-2020 гг.) на фоне ретроспективной картины изменения объемов трансфертной поддержки частного сектора со стороны государства (как канала финансирования дефицитного результата экономического жизненного цикла). Сбережения сектора «Домашние хозяйства» также показаны на фоне сберегательной активности экономики в целом (СНС) и в параллели с выводами на базе межстрановых исследований по НТС.

Методологические пояснения по оценке сбережения в национальных и трансфертных счетах

Предваряя анализ сберегательной активности домохозяйств, необходимо дать несколько методологических пояснений.

- Оценки результата экономического жизненного цикла и источников его финансирования являются основными для национальных трансфертных счетов. Система НТС состоит из трех счетов (показана в таблице 1).

Таблица 1. Система НТС

Счет результата экономического жизненного цикла (дефицит (+) / профицит (-)) (1-2)	=	Объем перераспределяемых ресурсов, всего (финансирование) (1+2)
1. Потребительские расходы		1. Счет перераспределения ресурсов общественного сектора
1.1. Общественного сектора		1.1. Чистые общественные трансферты (приток – отток)
1.2. Частного сектора		1.2. Доходы на капитал и доходы от собственности общественного сектора
2. Трудовой доход		2. Счет перераспределения ресурсов частного сектора
2.1 Оплата труда наемных работников		2.1. Чистые частные трансферты (приток – отток)
2.2. Доходы самозанятых (от самозанятости)		2.2. Доходы на капитал и доходы от собственности частного сектора

Источник: [ООН, 2022; 39].

На агрегированном (для экономики в целом) уровне почти все показатели трансфертных счетов рассчитываются из статистики системы национальных счетов (СНС), от показателей консолидированных и секторальных счетов. Тем самым обеспечиваются макроконтроль и межстрановая сопоставимость результатов.

- Общественный сектор НТС соответствует сектору государственного управления (ГУ) системы национальных счетов. Частный сектор представлен суммой четырех секторов СНС: домашними хозяйствами, некоммерческими организациями, обслуживающими домашние хозяйства, нефинансовыми и финансовыми корпорациями (ДХ+НКООДХ+НФК+ФК). Результаты построения счетов НТС, агрегированных по всем возрастам (для экономики в целом), показывают, в какой степени потребительские расходы населения финансируются за счет их трудовых доходов, а в какой – за счет средств бюджета и доходов от активов и собственности. Объем доходов от капитала и собственности (для каждого из секторов НТС) рассчитывается как сальдо чистого дохода от капитала и собственности и чистого сбережения.
- Расчетный объем сбережения может быть положительным или отрицательным. Положительная величина сбережения характеризует их свободный ресурс, используемый на собственные цели инвестиционного характера (на накопление нефинансовых и финансовых активов), а также частично доступный для предоставления в качестве дополнительного финансирования остальному миру или другим секторам внутренней экономики. Отрицательное сбережение отражает стоимость, на которую потребитель-

ские расходы превысили располагаемый доход, и соответственно – тот дополнительный объем средств, который экономика или сектор «заимствуют» на эти цели извне (так как превышение должно быть профинансировано путем реализации активов или принятия новых обязательств) [Росстат, 2023b: 130].

- Методология национального счетоводства (СНС) оперирует терминами «валовое» и «чистое» сбережение экономики или институционального сектора. Различие между оценками объема сбережения на валовой и чистой основе заключается в том, что первая оценка учитывает объем потребления основного капитала (ПОК), в то время как вторая оценка рассчитывается без его учета. Потребление основного капитала – это стоимостная оценка величины снижения в течение отчетного периода текущей стоимости основных фондов, находящихся в собственности и пользовании производителей в результате физического износа, морального устаревания или естественных случайных повреждений, которые можно предвидеть и от которых возможно страхование [Росстат, 2021a: 1].
- Валовое сбережение экономики/сектора, скорректированное на сальдо взаиморасчетов с внешним миром по капитальным трансфертам, которое либо увеличивает, либо уменьшает его, выступает тем совокупным капиталом, который в дальнейшем определяет склонность сектора/экономики к инвестированию (СНС). В СНС выделяются три вида капитальных трансфертов: налоги на капитал (налог на имущество, переходящее в собственности другой единице в порядке дарения или наследования); инвестиционные гранты (капитальные трансферты, предоставленные сектором государственного управления на возмещение издержек на приобретение основных фондов); другие капитальные трансферты (прощение долга по взаимной договоренности между кредитором и дебитором, наследование имущества, исключительно большие пожертвования на финансирование валового накопления НКО, исключительно большие страховые выплаты в результате стихийных бедствий) [Росстат, 2023b: 130-131].
- Трансфертные счета (НТС) методологически оперируют термином «Чистое сбережение», состоящим в секторальном разрезе из чистого сбережения частного сектора (Private Saving) и чистого сбережения общественного сектора или государства (Public Saving). В состав чистых сбережений частного сектора, наряду со сбережениями домохозяйств (ДХ), методологически входят сбережения корпораций (нефинансовых и финансовых) и некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства (НКООДХ) [ООН, 2022: 88].
- Чистые сбережения сектора ДХ содержат в своем объеме поправку на изменение чистой стоимости средств домашних хозяйств в пенсионных фондах (т.е. изменение в пенсионных правах). Эта поправка (позднее термин был уточнен Росстатом на «изменение чистой стоимости...») представляет собой корректировку сбережения домашних хозяйств путем добавления к их располагаемому доходу разницы между отчислениями в негосударственные пенсионные фонды и суммой полученных пенсий из этих фондов. Корректировка связана с тем, что в СНС домашние хозяйства рассматриваются как владельцы резервов программ негосударственного пенсионного страхования. Величина корректировки позволяет согласовать между собой сбережение домашних хозяйств и изменение чистой стоимости их средств в негосударственных пенсионных фондах, отражаемое в финансовом счете. Обратная поправка производится для негосударственных пенсионных фондов в составе сектора финансовых корпораций [Росстат, 2023a: 21].
- Статистика национальных счетов по валовому сбережению экономики и потреблению основного капитала служит заключительным макроконтроллером расчетов сбережения на чистой основе для системы агрегированных трансфертных счетов. Это значит, что в НТС показатель сберегаемого на чистой основе дохода (для каждого из секторов) можно рассчитать напрямую из статистики национальных счетов, так как на уровне экономики «Чистые сбережения» в НТС и СНС – это один и тот же показатель.

Анализ сбережений домашних хозяйств по данным российской статистики

Статистика национальных счетов (СНС) позволяет анализировать распределение сбережений сектора ДХ по вложениям в разные типы экономических активов. Основой для выводов может служить расчетный баланс сбережений и накоплений сектора, при построении которого консолидируются данные секторальной статистики по счетам накопления (счету операций с капиталом и финансовому счету). В таблице 2 представлены данные за 2011-2020 гг.

Таблица 2. Баланс сбережений и накоплений сектора «Домашние хозяйства» (с учетом НКООДХ) в 2011-2020 гг. (в % к ВВП)

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
РЕСУРСЫ	5,9	6,4	7,5	6,1	9,3	8,8	8,0	5,3	5,4	9,5
Валовое сбережение	4,7	4,7	4,8	4,8	7,7	8,1	7,4	4,9	4,8	8,9
Капитальные трансферты (чистые)	1,2	1,7	2,6	1,3	1,6	0,7	0,6	0,4	0,6	0,6
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ	5,9	6,4	7,5	6,1	9,3	8,8	8,0	5,3	5,4	9,5
Вложения в нефинансовые активы	3,9	4,5	5,6	4,9	4,6	3,5	3,2	2,8	2,8	3,1
Валовое накопление	3,9	4,5	5,6	4,9	4,6	3,5	3,2	2,8	2,8	3,1
Прирост финансовых активов ¹	2,0 ²	1,9	1,9	1,1	4,8	5,1	4,2	2,6	2,6	6,0
Наличная валюта и депозиты	н/д	3,2	3,3	0,3	3,7	4,1	4,3	3,5	3,3	5,0
Долговые ценные бумаги	н/д	0,3	0,2	0,2	0,3	0,0	0,3	0,3	0,6	0,5
Кредиты и займы	н/д	-3,6	-3,4	-1,1	0,8	-0,5	-1,9	-2,6	-2,7	-2,4
Акции и прочие формы участия в капитале	н/д	0,7	0,8	1,4	-1,0	0,9	0,7	0,7	0,6	1,0
Страховые и пенсионные резервы	н/д	0,5	0,8	0,3	1,0	0,8	0,8	0,6	0,3	0,3
Изменение дебиторско-кредиторской задолженности	н/д	0,7	0,2	0,1	0,0	-0,1	0,1	0,2	0,5	1,5
в том числе:										
Средства на счетах эскроу физических лиц	н/д	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	1,0
Статистическое расхождение	0,0	0,0	0,0	0,1	-0,1	0,2	0,6	-0,1	0,0	0,4

¹ – Прирост активов – прирост обязательств. Источник данных – финансовый счет СНС. Соответствует показателю «Чистое кредитование (+) / чистое заимствование» сектора (без учета статистического расхождения). Рассчитано с использованием данных Банка России. Раздел «Финансовые счета и балансы финансовых активов и обязательств системы национальных счетов Российской Федерации. Подраздел «Годовые финансовые счета СНС» (временные ряды)». Табл. «Финансовые операции по инструментам» (ДХ и НКООДХ). https://cbr.ru/statistics/macro_itm/fafbs/

Суммарно в нефинансовые активы – основной капитал, пополнение запасов материальных оборотных средств и чистое приобретение ценностей – домашние хозяйства ежегодно инвестировали ресурсы в размере 2,8-5,6% ВВП. На протяжении десятилетия прослеживается тенденция снижения удельного веса собственных инвестиционных расходов на валовое накопление (в % к ВВП). Структурный вес инвестиций в нефинансовые активы в среднем за 5 лет (2011-2015 гг.) составил 4,7% ВВП, а в последующие 5 лет (2016-2020 гг.) средний показатель снизился до 3,1% ВВП.

Что касается вложений в финансовые активы, изменение финансовых потоков было разнонаправленным. Можно отметить смещение интереса домашних хозяйств к ценным бумагам (в большей степени к акциям и другим формам участия в капитале, чем к долговым ценным бумагам). Продолжился рост общего объема заимствований населения в банковской системе. Отрицательный знак по статье «Кредиты и займы» говорит о накоплении ссудной задолженности. В 2020 г. домохозяйства резко нарастили объем ресурсов, размещаемых на счетах эскроу (открываемых банками с целью повышения гарантированности расчетов). Прирост сбережений также происходит в виде наличной валюты и депозитов. Если в период 2012-2015 гг. структурный вес ресурсов, вложенных в эти инструменты, составил в среднем за год 2,6% ВВП, то в 2016-2020 гг. средний показатель за период вырос до 4,0% ВВП.

Домохозяйства в России традиционно выступают основным «чистым кредитором» экономики, предоставляя сберегаемые, но не использованные на накопление ресурсы другим институциональным секторам (включая сектор «Остальной мир»). В 2011-2020 гг. их объем варьировался от 1,1% до 6,0% ВВП (см. рис. 1).

Рисунок 1. Домашние хозяйства и НКООДХ: трансформация сбережений в накопление. *Источник:* расчет по данным Росстата на 01.09.2023. Электронные версии выпусков «Национальные счета России в 2015-2022 гг.», «Национальные счета России в 2014-2018 гг.» (для 2014 г.), «Национальные счета России в 2011-2016 гг.» (для 2011-2013 гг.). Табл. «Интегрированная таблица национальных счетов». <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13221>

Ретроспективная картина сберегательной активности домохозяйств в 2011-2020 гг. также показала, что население обеспечивало от 1/5 до 1/3 общего объема валового сбережения российской экономики (табл. 3).

Таблица 3. Сберегательная активность сектора «Домашние хозяйства» (ДХ) и результат экономического жизненного цикла экономики в 2011-2020 гг.

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
1. Сбережение сектора ДХ:										
в % к располагаемому доходу сектора (на чистой основе)	3,5	3,4	3,8	3,9	9,0	9,3	8,5	4,9	4,3	10,9
в % к ВВП (на валовой основе)	4,5	4,6	4,7	4,7	7,5	7,9	7,2	4,7	4,5	8,6
в % к ВВП (в среднем за 5 лет)			5,2					6,6		
2. Сбережение экономики:										
в % к ВВП (на валовой основе)	28,8	27,2	24,3	24,6	26,5	25,1	25,7	28,9	26,6	25,7
в % к ВВП (в среднем за 5 лет)			26,3					26,4		
3. Реальные располагаемые денежные доходы населения ¹ , в % год к году	0,5	4,6	4,0	-1,2	-2,4	-4,5	-0,5	0,7	1,2	-2,0
Справочно:										
Агрегированные НТС (в % ВВП)										
Дефицит экономического жизненного цикла экономики (LCD), (+)	7,0	8,2	9,3	7,9	8,3	9,3	9,3	8,9	11,5	13,0
Потребление (НТС)	54,4	56,0	59,1	58,8	60,2	61,7	61,3	57,5	59,5	61,6
Трудовой доход (НТС)	47,4	47,8	49,8	50,9	51,9	52,4	52,0	48,6	48,0	48,6
Финансирование LCD	7,0	8,2	9,3	7,9	8,3	9,3	9,3	8,9	11,5	13,0
Текущие трансферты государства частному сектору, чистые	0,2	0,34	0,33	0,30	0,14	0,08	0,07	0,06	0,01	0,09
полученные	28,9	29,9	31,3	31,7	31,1	32,3	31,8	30,6	30,2	33,9
переданные	28,7	29,5	30,9	31,4	31,0	32,3	31,8	30,5	30,2	33,8
Прочее	6,8	7,86	8,97	7,60	8,16	9,22	9,23	8,84	11,49	12,91

Источники: расчет по данным Росстата на 01.09.2023. Электронные версии выпусков «Национальные счета России в 2015-2022 гг.», «Национальные счета России в 2014-2018 гг.» (для 2014 г.), «Национальные счета России в 2011-2016 гг.» (для 2011-2013 гг.). Табл. «Интегрированная таблица национальных счетов». <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13221>

¹ Росстат. Раздел «Население. Уровень жизни». Таблицы «Реальные располагаемые денежные доходы населения Российской Федерации» (<https://rosstat.gov.ru/folder/13397>)

С точки зрения агрегированных трансфертных счетов (НТС) ситуацию со сбережениями населения можно рассматривать в связке с изменениями, происходящими в покрытии дефицита экономического жизненного цикла.

На протяжении 2011–2020 гг. домашние хозяйства ежегодно сберегали от 3,4% до 10,9% от объема чистого располагаемого дохода сектора¹. Норма сбережения домохозяйств² находилась в границах 4,5–8,6% ВВП. В ретроспективном изменении сберегательной активности населения можно выделить четыре качественно различающихся временных отрезка:

2012–2014 гг.: Потребление (рассчитанное в методологии НТС) увеличилось в номинале практически в меру роста трудового дохода (42,1% и 41,1% соответственно), что удержало дефицит экономического жизненного цикла в районе 8–9% ВВП. Пропорции распределения располагаемого дохода домохозяйств к концу рассматриваемого периода незначительно изменились в пользу увеличения его сберегаемой части (до 3,9% от общего объема). Кризис, начавшийся в октябре 2014 г. и продлившийся в активной фазе по февраль 2015 г., практически не повлиял на оценку сбережений 2014 г., но в полной мере проявился в сберегательном поведении населения с 2015 по 2017 год.

2015–2017 гг.: На фоне снизившихся в кризис и посткризисный период реальных располагаемых доходов население закономерно сузило размеры потребления. Номинальный рост трудового дохода и потребления, по сравнению с предыдущим трехлетним периодом, замедлился практически вдвое, но рост потребительских расходов все же незначительно опередил динамику трудового дохода (21,3% и 18,9% соответственно). Разрыв между ними составил 2,4 п.п. по сравнению с 1 п.п. за 2012–2014 гг. Как следствие, дефицит экономического жизненного цикла показал небольшой рост, достигнув в 2016 г. 9,3% ВВП и оставшись на этом уровне в 2017 г. Поскольку потребительская и сберегательная стратегии домохозяйств, как отмечалось выше, являются взаимодополняющими, обратной стороной сузившейся потребительской активности населения стал резкий подъем доли сберегаемого им дохода (с 3,4–3,9% в 2011–2014 гг. до порядка 9% на протяжении 2015–2017 гг.).

Наметившийся на потребительском рынке тренд перераспределения структуры предоставляемых услуг индивидуального характера в пользу платных также объективно потребовал от домохозяйств существенного увеличения сберегаемой части располагаемого дохода. Этот структурный сдвиг проявляется при распределении агрегированных потоков НТС по однолетним возрастным группам, так как связан с возрастными возможностями и предпочтениями. Уровень трансфертной поддержки потребления в каждом из возрастов влияет на объемы текущего потребления в возрастных группах и на уровень сбережений в разрезе возрастного профиля.

2018–2019 гг.: Разрыв в номинальном росте текущего потребления и трудового дохода продолжил нарастать, увеличившись по сравнению с 2015–2017 гг. в 2,5 раза и достигнув 5,8 процентных пункта (15,9%, и 10,1% соответственно). Росту «избыточного потребления» поспособствовала постепенная реализация отложенного спроса на фоне небольшой положительной динамики реальных располагаемых денежных доходов, а также активная «кредитная подпитка» домохозяйств потребительскими кредитами, которая на фоне снижения процентных ставок в этот период сделала кредиты для населения более привлекательными. Рублевый портфель необеспеченных потребительских кредитов вырос за 2018 г. на 22,6% в годовой оценке, за 2019 г. – на 18,8%. В результате дефицит экономического жизненного цикла продолжил расти, достигнув по итогам 2019 г. очередного максимума в 11,5% ВВП.

На фоне сильного «перекоса» в расходовании средств на потребительские цели объем дохода, сберегаемого сектором «Домашние хозяйства», вновь «сжался» до порядка 4,9% (2018 г.) и 4,3% (2019 г.) от объема располагаемого сектором дохода. Фактором, снизившим склонность к сбережению, также можно считать отсутствие устойчивой положительной ди-

¹ С учетом корректировки на изменение в пенсионных правах.

² Объем валового внутреннего сбережения сектора, соотнесенный с объемом произведенного ВВП. Рассчитывается в % к ВВП.

намики восстановления доходов (реальные располагаемые доходы населения за 2018-2019 гг. восстановились лишь на 1,9% после их суммарного четырехлетнего падения в 2014-2017 гг. на 9,2%.

2020 г.: Из-за объективных причин, связанных с пандемией COVID-19, наложившей отпечаток на действия как государства, так и домашних хозяйств, год характеризовали следующие отличительные черты:

- имел место значительный рост объема переданных частному сектору (80-90% из них идет домашним хозяйствам) текущих трансфертов со стороны государства, достигший почти 34% ВВП, в то время как в доковидный период ежегодный объем предоставляемых населению трансфертных ресурсов не выходил из границ 29-31% ВВП);
- резкое сокращение физического объема расходов домашних хозяйств на конечное потребление (на 5,9% г/г) связано с отложенным в условиях пандемии потребительским спросом, с возобновившимся снижением реальных располагаемых денежных доходов населения и с объективной потребностью расходования большего объема ресурсов на обслуживание своей кредитной задолженности (в предыдущие два года закредитованность населения резко увеличилась)¹.

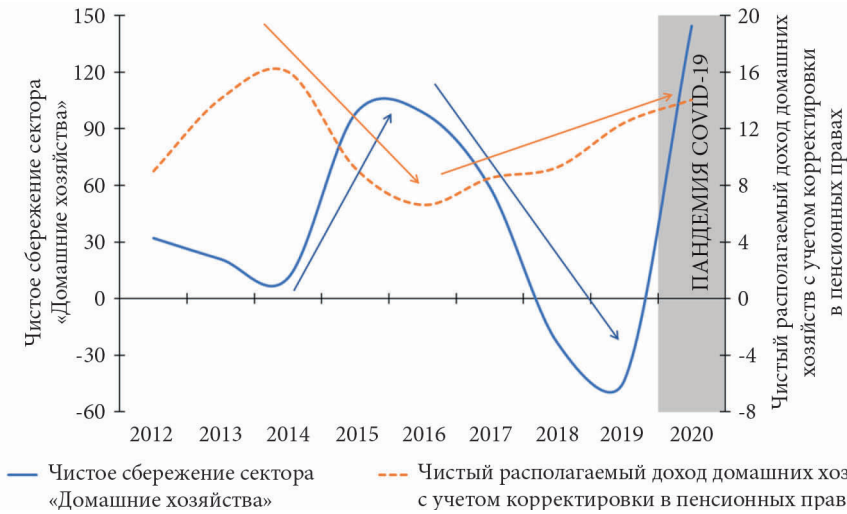
Потребительская и инвестиционная стратегии, как отмечалось в начале статьи, дополняют друг друга, поэтому эти же факторы вкупе с ростом ресурсных передач от государства (в форме социальных трансфертов) стали причинами более чем двукратного повышения в 2020 г. нормы сбережения домашних хозяйств (до 10,9% объема располагаемого дохода). В свете приоритетов распределения ресурсов можно провести параллель с ситуацией 2015-2016 гг., когда население, ограничив рост текущих трат, предпочло сберечь ресурсы, что проявилось в росте доли дохода, сберегаемого сектором, до 9,0-9,3% от располагаемого. Номинальный и структурный рост дефицита экономического жизненного цикла в 2020 г. продолжился, достигнув 13% ВВП и обновив очередной локальный максимум.

Структурные сдвиги в пропорциях распределения ресурсов домохозяйств также можно рассмотреть в контексте изменения индексов физического объема чистого располагаемого дохода и чистого сбережения населения. Это позволило проиллюстрировать в реальном выражении изменения сберегательного поведения населения в ответ на изменение ситуации с доходами. Итоги расчетов прокомментированы на 9-летней ретроспективе в целом (2012-2020 гг.), так как аналитические выводы по динамическим индикаторам показательны на длинном временном отрезке.

Для оценки динамических индексов с учетом изменения цен потребовался экспертный пересчет номинальных объемов из текущих цен в сопоставимые (базисные) цены 2011 г. с использованием ИПЦ на товары и услуги [ЕМИСС. Индексы...] и дефлятора расходов на конечное потребление домашних хозяйств [Росстат. Национальные счета...]. Чистое сбережение сектора, следуя методологии СНС, было оценено как разница между чистым располагаемым доходом и расходами на текущее потребление, после чего была выполнена оценка его динамики в реальном выражении (рис. 2).

Индексы физического объема (рассчитанные накопленным итогом к 2011 г.) показали, что период замедления роста и падения располагаемого дохода (2014-2016 гг.) сопровождался усилением склонности населения к сбережению. Восходящий тренд чистого сбережения говорит о преобладании у домохозяйств сберегательной модели поведения. С 2017 по 2019 г. направление трендов сменилось на противоположное. В 2020 г. склонность населения к сбережению вновь повысилась, что преимущественно объясняется отложенным (в условиях пандемии COVID-19) потребительским спросом.

¹ Помимо потребительских кредитов резко вырос объем рублевых жилищных кредитов, выданных физическим лицам: в 2018 г. – на 23,6% за год, в 2019 г. – на 17% в годовой оценке.

Рисунок 2. Динамика (в реальном выражении) чистого располагаемого дохода и чистого сбережения домохозяйств (2011 г. = 100%). Источники: расчет по данным Росстата на 01.09.2023. Электронные версии выпусков «Национальные счета России в 2015-2022 гг.», «Национальные счета России в 2014-2018 гг.» (для 2014 г.), «Национальные счета России в 2011-2016 гг.» (для 2011-2013 гг.). Табл. «Интегрированная таблица национальных счетов». <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13221>

Так как на сберегательное поведение людей большое влияние оказывают особенности уклада жизни, возрастное распределение разных типов трансфертов и ряд иных причин, выводы, полученные на макроуровне с использованием агрегированных трансфертных счетов, в целях проверки сравнивались с аналитическими выводами, полученными по результатам обработки данных микростатистики. В процессе исследования были проанализированы отчеты ООО «инФОМ» «Измерение инфляционных ожиданий и потребительских настроений на основе опросов населения». Опросы проводятся по заказу Банка России на квартальной и месячной основе и охватывают население (от 18 лет и старше) по репрезентативной общероссийской выборке (территориальная 3-ступенчатая стратифицированная выборка). Количество респондентов каждого опроса – 2000 человек, по 105 населенным пунктам в 55 субъектах РФ. Отчеты на сайте ЦБР представлены по результатам 56 волн опроса с сентября 2013 г. по настоящее время [Банк России, 2013-2020]. При анализе результатов опросов был выявлен ряд общих черт в сберегательном поведении населения:

- сберегательные установки людей с разным материальным положением и разного возраста (разных демографических групп) достаточно сильно различаются между собой. Различия в сберегательных установках объясняются различием в восприятии инфляции. Молодые люди в возрасте до 30 лет оценивали годовую инфляцию существенно ниже остальных, как следствие – склонность к сбережению в этой группе была минимальна. Более низкие оценки инфляции также давали представители больших семей. Это объясняется тем, что у них существенно выше уровень поддержки потребления внутри семьи (благодаря внутрисемейным трансфертам). В остальных возрастных группах оценки инфляции (и сберегательная активность) существенно выше, чем у молодежи. Самая высокая сберегательная активность наблюдалась у пенсионеров.
- среди федеральных округов по результатам опросов более высоко оценивают инфляцию жители Центрального, Южного, Северо-Кавказского и Дальневосточного округов, что связано как с более возрастным населением (Центральный округ), так и с низким уровнем

нем располагаемых доходов (Южный, Северо-Кавказский и Дальневосточный округа). Умеренные оценки дают Приволжский и Сибирский округа, а самые низкие – в ответах жителей СЗФО и Уральского округа.

- от волны к волне опроса уменьшалась доля домохозяйств от числа опрошенных, которым удавалось делать сбережения. Пропорционально этому росла доля опрошенных, которые все деньги тратят на текущие нужды. В середине 2014 г. доля домохозяйств, заявившая о наличии у них сбережений, была максимальной (41% от числа опрошенных). Позже, на фоне кризиса (перешедшего в острую фазу в октябре 2014 г.), начался спад, и к концу 2014 г. эта доля сократилась до 37-39%, в 2015-2016 гг. – до 35-36%, в 2017 г. – до 31-33%, и к концу анализируемого периода она составляла менее трети. Начиная с 2015 г. (в ответ на кризис и медленное восстановление) соотношение между потребительскими и сберегательными установками сместилось в пользу сбережений. В ответ на снизившиеся в кризис реальные располагаемые доходы население перешло на режим экономии (потребление более дешевых аналогов и перенос на будущее дорогих покупок). Ограничительная модель поведения населения зеркально проявилась в росте нормы сбережения в 2016-2017 гг.

Сопоставив эти выводы с макрооценками сбережений домохозяйств из таблицы 2, можно интерпретировать ситуацию следующим образом. Пенсионеры активнее сберегают, но это слабо отражается на общей норме сбережений домохозяйств ввиду того, что средний размер сбережений старших возрастов невелик. На возрастную когорту «65+» приходится менее 15% от располагаемого дохода экономики в целом. Кроме того, с 2019 г. (во многом из-за последствий пандемии COVID-19) численность возрастов «65+» прекратила расти в общей численности населения в относительном выражении¹, а с 2020 г. – еще и в номинальном объеме. Домохозяйствам сложнее откладывать после расходов на текущие нужды, в том числе и из-за того, что структура потребительского спроса с течением времени меняется в пользу увеличения доли платных услуг индивидуального характера. Временная точка «перелома» в сберегательной активности по результатам опросов также согласуется с началом длительного спада реальных располагаемых доходов населения, так и не вышедших до настоящего времени на докризисный уровень 2013 г.

В трудоспособных возрастах сберегательная активность населения зависит как от соотношения изменений в уровнях реальных доходов и текущих трат, так и личного выбора между потребительской и сберегательной моделями поведения. Часть населения в условиях инфляции предпочитает активнее тратить свой доход (включая накопленные ранее сбережения), адаптируясь таким образом к росту инфляционных ожиданий. По мере улучшения ситуации с реальными доходами она начинает восстанавливать потраченные в кризис сбережения. Другая часть населения продолжает по возможности делать сбережения, ограничивая в условиях сжимающихся реальных доходов свое потребление.

Повозрастное распределение объемов трансфертной поддержки со стороны общественного сектора (в терминологии СНС – трансфертов, переданных сектором «Государственное управление») также сильно влияет на склонность к сбережению трудоспособного населения. Если трансфертные выплаты в денежной форме ориентированы преимущественно на пожилых, то чем «моложе» регион, тем активнее его работающее население делает сбережения для финансирования младших возрастов.

Результаты сравнительного анализа показали, что выводы, полученные на макроданных, согласуются с выводами по результатам опросов населения об их сберегательной активности, то есть результаты анализа, полученные с макро- и микроуровня, не противоречат, а дополняют друг друга.

¹ К началу 2021 г. она снизилась до 25,1% от общей численности населения (в 2019 г. – до 25,4%) по сравнению с 25,7% на конец 2018 г.

Первые экспериментальные оценки распределения агрегированных показателей потоков НТС по поколениям, выполненные для России Институтом демографии им. А.Г. Вишневого НИУ ВШЭ за 2013, 2016, 2019 годы, показали, что как старшая, так и младшая возрастные когорты имеют достаточно сильную трансфертную поддержку со стороны сектора «Государственное управление», то есть им предоставляется значительный объем текущих трансфертов в натуральной и денежной формах со стороны государства [Денисенко, Козлов, 2021]. У населения в возрастах от 65 лет и старше общественные трансферты покрывали около половины (45-55%) объема их потребительских расходов. С источниками финансирования потребления в возрастах до 19 лет сложилась похожая структура. Там общественные трансферты покрывали порядка 46-49% всего объема потребления этой возрастной когорты.

Одним из факторов, объясняющих уровень трансфертной поддержки потребительских расходов экономически зависимых возрастных групп населения, является расчетная длительность бездефицитного периода экономического жизненного цикла. В России люди вступают в бездефицитную стадию в среднем в 23 года и выходят из нее в 56 лет, что составляет порядка 50% от ожидаемой продолжительности жизни при рождении [Денисенко, Козлов, 2018]. Длительность профицитной стадии оказывает прямое влияние на ресурсную базу сектора «Государственное управление» и величину финансирования сектором потребляемых товаров и услуг индивидуального характера [Назарова, 2023].

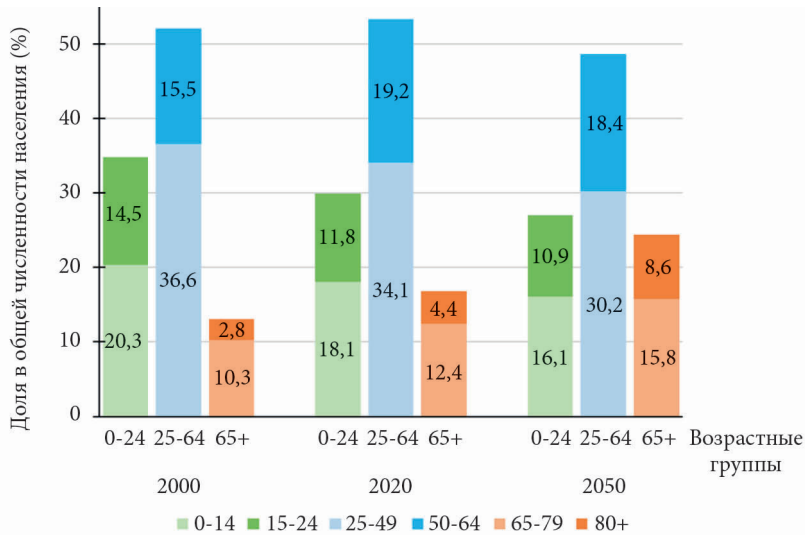
Характеристики экономического жизненного цикла в России (позднее время вступления в бездефицитную стадию, длительный период профицита) и причины этого схожи с чертами развитых экономик. В большинстве развитых стран из-за более длительного периода обучения «бездефицитный период» начинается позже, а время выхода на пенсию (время окончания бездефицитного периода) во многом определяется условиями действующих пенсионных систем, а не физиологическими возможностями человека [Денисенко, Козлов, 2018].

О влиянии социальных трансфертов государства на сберегательную активность домохозяйств. Выводы по результатам международных исследований

Попытки исследовать влияние растущих расходов государства по социальному обеспечению на сбережения населения – оказывают ли они сдерживающее влияние на их рост, частично «замещаая», или нет – начали предприниматься еще со второй половины XX века, когда глобальные демографические изменения (тренд на старение населения) начали оказывать ощутимое давление на расходную часть государственных бюджетов.

Глобальные структурные сдвиги, происходящие в возрастном профиле, представлены на рис. 3.

В росте частных сбережений наметилось замедление, в том числе и из-за того, что население снизило личную сберегательную активность, все чаще рассматривая выплаты по соцобеспечению (в виде пенсий от государства) как гарантированные сбережения, которые будут предоставляться по достижении пенсионного возраста. В 1974 г. профессор Гарвардского университета Мартин Фелдштейн, опираясь на анализ временных рядов макроэкономических данных США с 1929 по 1971 г., показал, как влияет система обязательных социальных платежей, введенная в США в 1936 г., на склонность населения к сбережению [Feldstein, 1974]. По его расчетам, она привела к снижению «личной экономии» (к уменьшению собственных сбережений населения) на 50%. Позже автор пересмотрел результаты первоначальных расчетов, исправив некоторые ошибки в своих вычислениях, на которые указали экономисты Д. Леймер и С. Лесной [Leimer, Lesnoy, 1982], и продлил временной ряд для анализа сначала на 5 лет [Feldstein, 1982], а позднее – на 21 год, по 1992 г. включительно [Feldstein, 1995].

Рисунок 3. Население мира по укрупненным возрастным группам: возрастной профиль в 2000, 2020 и 2050 гг. Источник: UNECE Policy Brief on Ageing № 27 February 2022. <https://unecce.org/sites/default/files/2022-02/ECE-WG.1-39-PB27.pdf>. Figure 2, p.3

Основной причиной сжатия частных сбережений в США, по мнению Фелдштейна, стал рост благосостояния населения за счет повышения «щедрости» социального обеспечения. В своих работах он писал о двойном эффекте социальных пособий на сберегательно-инвестиционные решения домохозяйств, сочетание которых дало такой итоговый (в виде дельты эффектов) результат.

Отрицательный эффект состоит в «замещении активов», когда при высоком уровне гарантированности дохода от государства в форме социальных трансфертов в будущем население начало сокращать добровольные индивидуальные сбережения в трудоспособном возрасте. Делая личные сбережения, население (при действии щедрых соцтрансфертов от государства) отталкивается от разницы между ожидаемыми объемами расходов на потребление и ожидаемыми размерами поступлений от государства в виде пенсионных выплат. Щедрая социальная поддержка, по сути, способствует ускорению выхода на пенсию сразу по достижении пенсионного возраста. Все вместе это негативно отражается на общем объеме возможных сбережений, в то время как, оставаясь на рынке труда, человек мог бы продолжать делать сбережения из доходов от трудовой деятельности.

Положительный эффект влияния выражается в том, что, приняв решение быстрее выйти на пенсию, часть населения повышает свою сберегательную активность, стремясь до ее наступления максимально подкопить финансовые ресурсы. Степень влияния социального обеспечения на сберегательную активность населения тесно связана с мотивами сбережения. Если сберегательный мотив носит преимущественно «страховой» характер, степень влияния будет выше, чем при «целевом» мотиве сбережения.

В XXI в. страновые исследования по этому вопросу активизировались еще сильнее, так как пенсионного возраста достигло многочисленное поколение «бумеров» 1943-1960 годов рождения (о типологии поколений см. [Howe, Strauss, 2007]), и число получателей социальных выплат начало быстро расти. К примеру, в России на начало 2021 г. их число составило 26,4 млн человек (1/5 часть от общей численности населения) (расчеты автора по [Росстат, 2021b]).

На взаимосвязь сберегательных процессов в секторе «Домашние хозяйства» с вопросами социального обеспечения также можно смотреть в контексте результатов построения агрегированных трансфертных счетов.

Из исследований в рамках международного проекта «National Account Transfers» по схожей тематике стоит отметить сравнительный анализ, выполненный Р. Ли и Э. Мэйсоном [Lee, 2012; Lee, Mason, 2010] для 23 стран – участниц проекта в 2010–2012 гг. Исследовалось влияние на сберегательное поведение и потребительскую активность домохозяйств типа ресурсов (государственных или частных), которые они преимущественно получают в качестве источника финансирования дефицита жизненного цикла. Выводы, сделанные по его результатам, выявили своеобразную «макрэкономическую дилемму».

В развивающихся экономиках, где уровень дохода на душу населения по сравнению с развитыми экономиками ниже (ряд стран Юго-Восточной Азии, страны Латинской Америки), основным источником финансирования дефицита выступают ресурсы частного сектора. Расходы государства на социальные программы и, соответственно, уровень господдержки населения здесь также существенно ниже. Большой процент населения в этих странах живет в многопоколенных семьях, и бюджеты разных поколений объединяются [Lee et al., 2008]. Поэтому основными каналами покрытия ресурсного дефицита в старших возрастах здесь выступают перераспределение доходов от активов и значительные внутрисемейные трансферты. Как следствие, младшие возрасты выходят на рынок труда раньше, а старшие – позже его покидают. Сберегательная активность населения здесь была выше, чем в развитых экономиках, а потребительская активность – ниже. При этом старшее поколение практически не оказывало влияния на совокупную динамику потребительских расходов экономики.

В развитых экономиках (в отличие от развивающихся) с высоким уровнем дохода на душу населения (ряд стран Европы, Япония, США) ситуация складывалась иначе. Главным ресурсным источником финансирования дефицита экономического жизненного цикла, как правило, здесь были ресурсы общественного сектора (сектора «Государственное управление»). Страны, относящиеся к развитым экономикам, имели сильную трансфертную поддержку государства, при этом асимметрия распределения общественных трансфертов почти во всех странах была сильнее в пользу пожилых людей. Население здесь уходит с рынка труда раньше, а развитая система государственных текущих трансфертов приводит к росту нагрузки на младшие поколения, которые вынуждены финансировать льготы старшим возрастам за счет более высоких налогов. При этом «плюсом» является дополнительная поддержка общего потребительского спроса экономики со стороны старшего поколения. Сберегательная активность населения в странах с развитой системой господдержки населения остается невысокой, в то время как потребительская активность старшего поколения, напротив, достаточно высока [Lee, 2014].

В качестве практической иллюстрации выводов можно привести результаты сводных расчетов по страновым данным «National Transfer Accounts Project».

Для 8 стран – ярких представителей группы развитых экономик и стольких же (8) – из группы развивающихся экономик была рассчитана структура финансирования потребительских расходов населения в экономически зависимых возрастных группах (0–19 лет и 65+). Источники ресурсов: трудовой доход, чистые текущие трансферты (частного сектора и государства) и доходы от перераспределения активов (в целом) частного сектора и государства. Расчетная структура впоследствии сопоставлялась со страновой нормой сбережения сектора «Домашние хозяйства» по году, соответствующему году построения трансфертных счетов. Это позволило выявить ряд общих черт (см. табл. 4).

Для стран с развитой экономикой характерна сильная трансфертная поддержка государства, при этом асимметрия распределения общественных трансфертов сильнее в пользу старших (65+) возрастов. Младшие возрасты (0–19 лет) поддерживаются частными трансфертами, но вес ресурсной поддержки государства существенен. Роль государства в финансовой поддержке обеих экономически зависимых возрастных групп наиболее значима в странах Европы. Япония по параметрам и возрастному профилю распределения государственного трансфертного финансирования близка к европейским странам. В США структурный вес господдержки младших возрастов сопоставим с европейскими аналогами, но доля трансфертов пожилым значительно ниже.

Группа стран с развивающейся экономикой имеет свои схожие черты. В младшей и старшей возрастных когортах выше доля потребления, покрываемая трудовым доходом. Это говорит о том, что младшие возрасты раньше выходят на рынок труда, а старшие – позже его покидают. Уровень чистой трансфертной поддержки потребления экономически зависимых возрастных групп со стороны государства здесь значительно ниже, чем в группе развитых экономик, а для возрастов «65+» в отдельных странах минимален или близок к нулю (например, в Индии это 2,3% от объема потребительских расходов, в Индонезии – 1,2%). Основными каналами дефицита ресурсов для пожилых людей в этих странах являются перераспределение доходов от активов и значительные семейные трансферты. Во многом это связано с тем, что люди живут в семьях, состоящих из нескольких поколений, с общим бюджетом.

Разная степень государственного участия в поддержке потребительского спроса домохозяйств при развитых и развивающихся экономиках объясняет (наряду с другими факторами) уровень склонности населения к сбережению. У стран с развитой экономикой склонность населения к сбережению невысока. Самую низкую долю сберегаемого населением дохода (2,45%) мы видим в Финляндии, где в старших возрастах государственная трансфертная поддержка покрывает более 80% всех расходов на потребление, а в возрастной категории до 19 лет социальными выплатами государства покрывается около 57% потребительских расходов. В странах с развивающейся экономикой склонность к сбережению у населения выше (на фоне слабой степени ресурсной поддержки государства). В Индии, при близком к нулю (2,3%) участии государственных трансфертов старшим возрастам в покрытии их трат на потребление, домохозяйства вынуждены сберегать почти четверть (24,6%) своего располагаемого дохода.

Причинно-следственные связи между «щедростью» трансфертов государства, трудовой и сберегательной активностью домохозяйств (описанные выше) можно подтвердить с помощью расчетов с еще одного ракурса, сопоставив по группам развитых и развивающихся экономик возрастные подушевые профили потребительских расходов и трудового дохода (компонент счета результата экономического жизненного цикла). Для этого используем подход к экономико-демографическому анализу, который Р. Ли применил в своей работе «How Population Aging Affects the Macroeconomy?» [Lee, 2014].

Он рассчитал по наборам стран из групп развитых и развивающихся экономик оценочные возрастные профили потребления и трудового дохода на душу населения. Следуя методологии анализа данных в NTA, он перешел в процессе расчетов от номинальных расчетных значений по возрастам (в каждой стране) к средним уровням нормализованных величин для развитых и развивающихся экономик в целом. Усредненные нормализованные возрастные профили по группам экономик Рональд Ли сопоставил между собой графически, сделав соответствующие выводы.

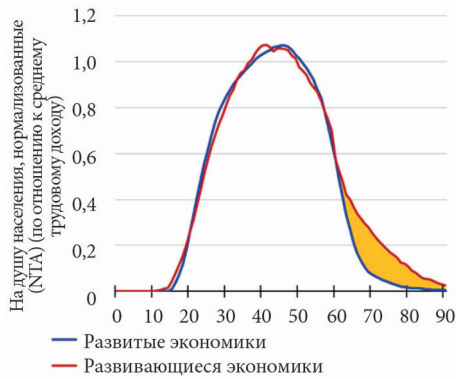
При проведении текущего исследования практические расчеты (для иллюстрации выводов) были выполнены по тем же 16 странам, которые анализировались в таблице 4, половина из которых (8) относится к развитым экономикам, а вторая половина – к развивающимся.

Результаты показали, что возрастной профиль трудового дохода на душу населения (рис. 4) в развитых экономиках начинает снижаться с достигнутых максимумов чуть позже, чем в развивающихся, но падает резче. Это связано с высоким уровнем государственной социальной поддержки населения (пенсий и социальных трансфертов домашним хозяйствам в денежной форме), при котором население предпочитает уходить с рынка труда раньше, сразу по достижении пенсионного возраста.

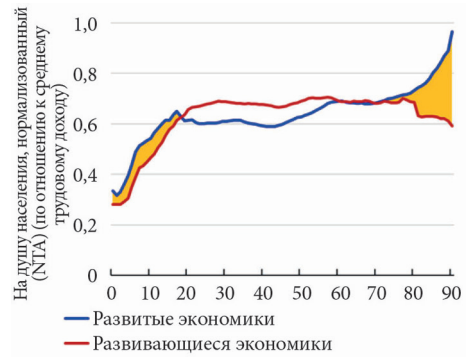
Возрастные профили потребления домашних хозяйств в развитых и развивающихся экономиках также существенно различаются (рис. 5). В развитых экономиках уровень потребления в младших возрастах выше, что объясняется более крупными инвестициями в человеческий капитал (в образование, здравоохранение). Уровень потребления старшей возрастной когорты поддерживается и растет благодаря сильной трансфертной господдержке. В развивающихся экономиках ситуация обратная. В условиях слабой господдержки старших возрастов их потребительская активность также слабеет.

Выводы, представленные на рис. 4-5, подтверждает и таблица 5, в которой указан объем социальных трансфертов в денежной форме (в % к ВВП) по анализируемым странам.

Рисунок 4. Возрастной профиль трудовых доходов на душу населения для групп стран развитых и развивающихся экономик (в среднем). *Источник:* Рассчитано по данным NTA Project <https://ntaccounts.org/web/nta/show/Country%20Summaries>

Рисунок 5. Возрастной профиль потребительских расходов на душу населения для групп стран развитых и развивающихся экономик (в среднем). *Источник:* Рассчитано по данным NTA Project <https://ntaccounts.org/web/nta/show/Country%20Summaries>

Таблица 5. Уровень трансфертной поддержки населения государством (объем текущих трансфертов сектора «Государственное управление» в денежной форме, предоставленный сектору «Домашние хозяйства», в % к ВВП)

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Развитые экономики										
Австрия	18,51	18,66	19,04	19,10	18,91	18,67	18,24	17,90	17,88	20,29
Германия	15,75	15,68	15,61	15,42	15,52	15,53	15,51	15,50	15,81	17,60
Испания	17,41	18,36	18,79	18,38	17,48	17,13	16,65	16,77	22,95	22,27
США	14,92	14,40	12,28	14,35	14,59	14,65	14,53	14,36	14,56	20,04
Финляндия	17,79	18,58	19,40	20,08	20,29	19,99	19,37	18,94	18,85	19,99
Швеция	13,19	13,78	14,01	13,65	13,17	13,09	12,79	12,57	12,27	12,76
Япония	12,96	13,00	12,92	12,64	12,35	12,39	12,27	12,28	12,32	12,86
Тайвань	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Развивающиеся экономики ¹										
Индия	0,46	0,47	0,43	0,37	0,39	0,38	0,33	0,34	0,38	0,50
Индонезия	0,04	0,03	0,13	0,10	0,14	0,13	0,16	0,19	0,28	1,03
Кения	0,05	0,06	0,07	0,08	0,11	0,13	0,06	0,02	0,05	0,03
Коста-Рика	2,86	3,59	3,71	3,75	3,91	4,15	3,96	4,18	4,30	4,69
Мексика	2,07	2,14	2,25	2,52	2,59	2,66	2,84	3,09	3,33	3,74
Нигерия	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Филиппины	1,70	1,79	1,91	1,99	2,14	2,13	2,24	2,18	2,33	2,44
Таиланд	2,43	2,64	2,55	2,62	2,74	2,89	2,96	3,21	3,42	4,16

¹ Индия и Кения – объем расходов государства на социальную защиту.

Источник: Рассчитано по данным National Accounts Statistics: Main Aggregates and Detailed Tables <https://www.un-ilibrary.org/content/periodicals/24121835>

Заключение

Структурные сдвиги по показателю «Чистое сбережение», проявившиеся в 2011-2020 гг. в секторе «Домашние хозяйства», подтверждают существование временной корреляции между расширением роли государства в вопросе трансфертной поддержки населения (повышение объема текущих трансфертов, переданных частному сектору) и сберегательной активностью населения. Со среднего уровня в 5,2% ВВП в период 2011-2015 гг. норма сбережения повысилась до среднего уровня 6,6% ВВП в последующие 5 лет, в то время как по экономике в целом аналогичный показатель практически не изменился (26,3% ВВП для 2011-2015 гг. и 26,4% ВВП для 2016-2020 гг.).

В то же время анализ расчетных данных на 10-летней ретроспективе (2011-2020 гг.) показал, что сберегательная активность домохозяйств остается стабильно невысокой (таблица 3). Ежегодно они сберегали не более 10% объема располагаемого дохода (в среднем за 10 лет – около 6,2%).

Сохранение невысокой доли сберегаемого населением дохода (на фоне значимой поддержки государства) согласуется с вышеупомянутым выводом для группы развитых экономик по результатам сравнительного межстранового анализа. Относительно невысокую долю сберегаемого населением дохода объясняет то, что в России, как и в развитых экономиках, дефицит экономического жизненного цикла старших возрастов преимущественно финансирует государство, а сберегательная активность домохозяйств зависит от степени участия государства в покрытии дефицита жизненного цикла. Таким образом, выводы из российских исследований, со своей стороны, подкрепляют результаты сравнительных международных исследований по НТС.

Комплексный анализ сберегательной активности населения, проведенный на макроуровне в контексте агрегированных НТС и СНС и экспериментальных расчетов по распределению агрегированных потоков НТС по поколениям (полученных Институтом демографии им. А.Г. Вишневского НИУ ВШЭ), позволил лучше понять происходящие в ней сдвиги. Кроме того, первый опыт российских исследований экономического жизненного цикла (возрастных границ экономической зависимости) дает возможность посмотреть под дополнительным углом зрения на традиционные возрастные когорты, а значит, и на расчетные коэффициенты демографической поддержки и распределение выплат социального характера.

Благодарности

Статья подготовлена в ходе реализации стратегического проекта «Социальная политика устойчивого развития и инклюзивного экономического роста» по программе развития НИУ ВШЭ в рамках участия в программе Минобрнауки России «Приоритет 2030». Программа «Приоритет 2030» реализуется в рамках национального проекта «Наука и университеты».

Список литературы

- Денисенко М.Б., Козлов В.А. (2018) Межпоколенческие счета и демографический дивиденд в России // Демографическое обозрение: 5(4): 40–63. <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i5.10178>.
- Назарова А.Г. (2023) Потребительские расходы населения в зеркале агрегированных трансфертных счетов: национальные и региональные аспекты // Вопросы статистики: 30(6): 35–50. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-6-35-50>.

- Feldstein M. (1974) Social Security, Induced Retirement, and Aggregate Capital Accumulation // *Journal of Political Economy*: 82(5): 905–26. URL: <https://www.jstor.org/stable/1829174>
- Feldstein M. (1982) Social Security and Private Saving: Reply. // *Journal of Political Economy*: 90(3): 630–42. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1086/261078>
- Feldstein M. (1995) Social Security & Saving: New Time Series Evidence // NBER Working Paper Series: 5054. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w5054/w5054.pdf.
- Howe N., Strauss W. (2007) The Next 20 Years: How Customer and Workforce Attitudes Will Evolve // *Harvard Business Review*: 85(7–8): 41–52. URL: <https://hbr.org/2007/07/the-next-20-years-how-customer-and-workforce-attitudes-will-evolve>.
- Lee R. (2012) Intergenerational Transfers, the Biological Life Cycle, and Human Society // *Population and Development Review*: 38 (Population and Public Policy: Essays in Honor of Paul Demeny): 23–35. URL: <https://www.jstor.org/stable/23655284>.
- Lee R. (2014) How Population Aging Affects the Macroeconomy? In: Jackson Hole Symposium “Re-Evaluating Labor Market Dynamics”, Conference Proceedings (Kansas City, USA), August 2014, 261–83. URL: <https://www.kansascityfed.org/documents/4543/2014Lee.pdf>
- Lee R., Lee S.-H., Mason A. (2008) Charting the Economic Life Cycle // *Population and Development Review*: 34 (Population Aging, Human Capital Accumulation, and Productivity Growth): 208–37. URL: <https://www.jstor.org/stable/25434765>.
- Lee R., Mason A. (2010) Some Macroeconomic Aspects of Global Population Aging // *Demography*: 47(Supplement): S151–S172. URL: <https://www.jstor.org/stable/40983118>.
- Leimer D.R., Lesnoy S.D. (1982) Social Security and Private Saving: New Time-Series Evidence // *Journal of Political Economy*: 90(3): 606–29. URL: <https://api.semanticscholar.org/CorpusID:54892823>

Другие источники информации

- Банк России (2013-2020) Измерение инфляционных ожиданий и потребительских настроений на основе опросов населения. Отчет ООО «инФОМ». URL: https://www.cbr.ru/analytics/dkp/inflationary_expectations/
- Денисенко М.Б., Козлов В.А. (2021) Экономика поколений и демографические изменения. Доклад на Первых демографических чтениях памяти А.Г. Вишневого «Демографические горизонты России и мира на среднесрочную и долгосрочную перспективу». НИУ ВШЭ, Москва, 9-11 ноября 2021 г.
- ЕМИСС. Индексы потребительских цен на товары и услуги. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31074>
- ООН (2022) Руководство по национальным трансфертным счетам: измерение и анализ показателей экономики поколений. ООН, Нью-Йорк. Перевод с англ. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2022_nta-manual_russian.pdf
- Росстат (2021a) Об утверждении Официальной статистической методологии расчета потребления основного капитала. Приказ Федеральной службы государственной статистики (Росстат) от 22.01.2021 г. №21. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-rosstat-ot-22012021-n-21-ob-utverzhdanii-ofitsialnoi/?ysclid=lprij9mrl587431545> (дата обращения: 01.12.2023).
- Росстат (2021b) Статистический бюллетень «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 года». М.: Росстат. Табл. 1.1.1, с. 8–11. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2021.pdf
- Росстат (2023a) Национальные счета России в 2015-2022 годах. Стат. сб. / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Nac-sch_2015-2022.pdf

Росстат (2023b) Об утверждении Официальной статистической методологии построения нефинансовых счетов сектора домашних хозяйств в Системе национальных счетов Российской Федерации. Приказ Федеральной службы государственной статистики (Росстат) от 18.05.2023 г. №233. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/met233-18052023.pdf> (дата обращения: 20.11.2023).

Росстат. Национальные счета России. Стат. сборник, Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13221>

Сведения об авторе

- Назарова Анжела Георгиевна – кандидат экономических наук, главный эксперт, Институт «Центр развития», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 109074, Россия. E-mail: anazarova@hse.ru, anzhella72@yandex.ru.